

Сумасшедший Лун Цин Фу был уже обезврежен, и Се Тин Син, больше не испытывая страха, выскочил из-за коляски Чу Му, его лицо пылало гневом:

— Ты говоришь так, будто всё просто! Похищения, переделка тайных проходов, покушение на жизнь — сколько мы натерпелись! А ты одним «он болен» хочешь всё списать? И это мы, выходит, недостаточно великодушны, если не прощаем? Если он так тяжело болен, почему его не держали дома под присмотром, а выпустили творить бесчинства?! Чем ты, как старший брат, вообще занимался?!

Ребёнок, тыча пальцем и осыпая упрёками, вёл себя несколько невежливо, но ни Се Тин Юэ, ни Чу Му не остановили его.

Лун Цин Линь и сам понимал, что виноват, и вновь почтительно склонился в глубоком поклоне:

— Состояние моего младшего брата в этом году заметно улучшилось, долгое время не было приступов, и мы, успокоившись, позволили ему выйти из дома. Кто мог знать, что он подвергнется какому-то стрессу и приступ повторится... Безусловно, вина целиком лежит на нашей семье, мы не доглядели. Все причинённые убытки семья Лун возместит. В ближайшее время я лично явлюсь с извинениями и подарками. Не смею просить прощения, но прошу лишь о снисхождении.

Жест выглядел крайне искренне.

Се Тин Син разозлился ещё больше:

— Неужели мой брат нуждается в каких-то там ваших подарках?!

Глаза ребёнка округлились, кулаки сжались. Ему особенно не нравилось, когда за провинности младших старшие пытались «замять» всё подарками и извинениями. Простить — значит проглотить обиду, не простить — а что ещё требовать, если они уже и так униженно извиняются? Он и сам не мог придумать достойного решения, но от этого становилось только досаднее.

Лун Цин Линь тяжело вздохнул:

— Наш дед баловал его, и от этого брат стал раним и впечатлителен. Пока дед был жив, всё было хорошо, никто не смел сказать ни слова. Но после его смерти поползли пересуды — он незаконнорождённый, история с матерью не из благородных... Хотя ещё при жизни дед официально записал его на мою мать, сделав законным сыном, и я старался его оберегать... но он всё равно не выдержал.

Взгляд его скользнул по Лун Цин Фу, спокойно лежащему на земле. Голос его стал медленнее и мягче:

— Но всё это время больше всех страдал он сам. Кто же добровольно согласится быть безумцем, если может жить в здравом уме? Он не хотел становиться таким.

Се Тин Син молчал.

Ты слабый — значит, тебе можно?!

Лун Цин Линь, словно внезапно спохватившись, с виноватым видом поклонился Се Тин Юэ:

— Прошу прощения, я не хотел акцентировать внимание на его происхождении... Просто в волнении хотел объяснить всё как есть...

Если бы он не добавил этой фразы, Се Тин Юэ и не обратил бы внимания на эту деталь. Но теперь все невольно заострили на этом внимание.

Чу Му сжал ладонь Се Тин Юэ, придвинул коляску ближе и с улыбкой, ещё более учтивой, чем у Лун Цин Лина, произнёс:

— Так значит, когда ваша семья намекала семье Ци о браке, речь шла именно о вашем младшем брате?

— Как можно такое подумать? У младшего брата болезнь ещё не прошла, зачем же обременять им чужую девушку? Тётушка тогда просто из добрых побуждений хотела подобрать невесту для меня. Вы ведь знаете, моя покойная супруга умерла три года назад, и в доме некому вести хозяйство...

Се Тин Юэ мысленно фыркнул: «Верю, как же!»

Ци Ин Фэй — всего лишь двенадцатилетняя девочка. Какая из неё хозяйка?! Очевидно, Лун Цин Фу вспылал к ней интересом, а семья Лун это заметила и хотела заполучить её для ухода за ним. А когда всё вышло наружу, решили резко сменить жениха, чтобы спасти репутацию семьи.

— Мы недосмотрели, младший брат натворил бед, в любом случае, вся ответственность лежит на нас. Прошу вас, раз серьёзных последствий не случилось, сохраните лицо семье Лун и позвольте мне забрать брата. Я обещаю, что отныне он будет под строжайшим надзором, и мы сделаем всё, чтобы загладить ваши обиды!

С этими словами Лун Цин Линь снова низко поклонился.

Когда человек проявляет такую почтительность, благоразумным взрослым не пристало упорствовать.

Тем более, Лун Цин Линь вёл себя очень грамотно, буквально безупречно прикрывая младшего брата. Все действия были продуманы, слова подобраны тщательно. Вытянуть из него больше информации не удалось бы, и дальнейшие препирательства теряли смысл.

Се Тин Юэ холодно улыбнулся:

— Господин Лун, не утруждайтесь. Раз уж недоразумение прояснено, прошу ваших слуг расступиться. Мой супруг и младший брат сильно перенервничали, и их силы на исходе.

— В спешке я ошибся, приписав благородному человеку недостойные намерения, — тут же отозвался Лун Цин Линь и махнул рукой. — Ну что встали, дайте пройти!

Чу Му дал знак Цинь Пину забрать давно уже лежащего без сознания толстячка Хэ Ю Вэня, и процессия двинулась мимо.

Сегодняшнее противостояние завершилось, но дело на этом вряд ли закончится.

Лун Цин Фу всё-таки причинил вред Шэнь Сань Нян и Ци Ин Фэй — за это придётся ответить. Его странные отношения с Хэ Юань Ци тоже вызывали сомнения. А старший брат Лун Цин Линь... знал ли он обо всём этом? И как он к этому относился?

— И ещё Тао Му Шу, — сказал Чу Му.

— Да, нужно проверить, — кивнул Се Тин Юэ.

Но внутри у него было странное ощущение. Даже в помрачении рассудка человек не станет путать другого без причины. Что же такого в нём увидел Лун Цин Фу, чтобы так ошибиться?

Сегодня произошло слишком много всего, но, к счастью, всё обошлось. Толстячок Хэ Ю Вэнь пришёл в себя ещё по дороге, бодрый как ни в чём не бывало. У Чу Му среди ночи поднялась температура, но Се Тин Юэ всё время был рядом и вовремя заметил это. Он дал лекарство, и к утру жар спал. Младший брат с его крепким здоровьем после осмотра лекарем получил заверения, что с ногой всё в порядке. Ему выписали успокоительный отвар, чтобы не мучился из-за пережитого и мог спокойно спать. В результате он проспал до полудня и, едва проснувшись, стал громко требовать еды.

От Шэнь Сань Нян и Ци Ин Фэй тоже пришли известия: никто не пострадал, спали хорошо, и просили не волноваться.

Се Тин Юэ, успокоившись, наконец-то смог приступить к поискам сведений о Тао Му Шу.

Но не успел он как следует начать, как новости от Чу Му пришли гораздо быстрее.

— Лун Цин Линь нас, оказывается, не обманул, — сказал Чу Му, передавая Се Тин Юэ бумаги.  
— Лун Цин Фу действительно страдает психическим расстройством, причём в тяжёлой форме.

Пробежав глазами бумаги, Се Тин Юэ всё понял.

Отец Лун Цин Фу и Лун Цин Лина был отвратительным человеком с явной склонностью к насилию. Мать Лун Цин Лина была из благородной семьи, поэтому с ней он особо не наглед. А вот с наложницей, купленной по договору\*, не церемонился — издевательства, побои, унижения были обычным делом.

\*П.п. Письменный договор или документ, который оформлялся в старом Китае, закрепляя право собственности на человека. Такой контракт мог использоваться для продажи или покупки слуг, наложниц и других зависимых лиц. В контексте наложниц подобный документ означал, что женщина фактически теряла права на самостоятельную жизнь и полностью зависела от своего хозяина.

Разумеется, ради сохранения репутации семьи, на людях никогда не скажут, что мужчина виноват. Всегда находились причины обвинить наложницу — в распутстве, легкомыслии, за что она якобы и заслуживала наказания.

Как мог Лун Цин Фу, годами наблюдая за мучениями родной матери, оставаться равнодушным? Его мать страдала, в то время как он сам воспитывался в роскоши под опекой деда. Что мог думать ребёнок в такой ситуации?

Стоило ему лишь проявить малейшие признаки сострадания или печали, как слуги тут же принимались увещевать его, опасаясь, что обращение к старому господину вызовет его неудовольствие и обернётся бедами для всех домочадцев. «Женщинам положено терпеть», — шептали они ему на ухо. — «Все через это проходят. Если её бьют — значит, провинилась. Будет вести себя примерно и побоев не будет. Родилась в низком сословии, а туда же — гордость проявляет! Это неправильно. Не смирится — не выживет...»

Сколько раз он это слышал? Сколько же мыслей прокручивалось в его голове? День за днём, год за годом, не находя выхода, он постепенно сам искривлялся под гнётом этой жестокости.

— Когда у Лун Цин Фу случился приступ, он играл роль своего деда — Лун Фана. В молодости Лун Фан действительно был без ума от одной девушки, но судьба их развела. Однако неизвестно, была ли она «уведена» Тао Му Шу, — объяснил Чу Му.

Его изящные пальцы легли на бумаги:

— Этот Тао Му Шу весьма загадочная личность.

Се Тин Юэ, просматривавший бумаги, тоже заметил несоответствия:

— У него было несколько имен: Тао Чжу, Тао Цзы Хун.

Что за ерунда?

— Не знаю, как он это делал, но благодаря ему появилось множество богатейших торговцев. Сам он в торговле не участвовал, но имел доли в этих предприятиях и стал одним из богатейших людей в стране, — голос Чу Му был нетороплив, будто он размышлял вслух. — Он даже служил при дворе. Человек выдающегося ума, с кругозором, недостижимым для обычных людей.

Се Тин Юэ кивнул:

— В девятнадцать лет был избран чтецом при императоре и вошел во дворец. Срок службы был немалый — почему же в мире так мало о нем слышали? О, смотри... «Был особенно близок с покойным императором...»

Увидев эти строки, написанные мелким почерком, Се Тин Юэ не смог сохранить спокойствие.

Покойный император Цзин стал правителем в десять лет. Слабый юный император в окружении сильных министров — нетрудно представить, сколь тяжким было его положение. Однако император Цзин не только выстоял, но и разрешил множество сложнейших проблем, оставив после себя процветающее государство нынешнему императору.

Он правил двадцать пять лет, при этом не взял императрицу, не оставил наследников, и избрал преемником младшего брата. Отрёкся от престола, будучи в самом расцвете сил. Многие до сих пор ломают голову, почему. Но он просто ушел и с тех пор его никто не видел. Прошли годы: одни говорят, что он скончался, другие — что постиг дао и стал бессмертным. Так или иначе, вестей о нем больше не было.

Тао Му Шу исчез ещё более внезапно, чем император. Не просто исчез — даже его след в истории будто специально затёрт. Как будто такого человека вообще никогда не существовало.

А эта строчка «особенно близок с покойным императором» была написана так мелко, так осторожно, будто боялись затронуть запретную тему. Но как бы ни была мала и завуалирована эта фраза, в данном контексте она невольно наводила на определенные мысли!

Неужели между Тао Му Шу и императором Цзином...

Чу Му продолжил:

— Тао Му Шу обладал выдающимся умом и необыкновенным обаянием. Нынешние налоговые реформы в Министерстве финансов, своды законов в Министерстве юстиции, принципы строительства в Министерстве работ — всё то берет начало в реформах, которые он

разработал. Переговоры с северными кочевниками и юго-западными племенами, обеспечившие долгие годы мира, тоже вел он. Говорят, внешнею он был прекрасен, словно бессмертный, снискав множество поклонников. Так что...

— Значит, он «увёл» у Лун Фана возлюбленную, из-за чего тот всю жизнь мучился, а внуку Лун Цин Фу было больно на это смотреть? — спросил Се Тин Юэ.

— Я хотел сказать, — с досадой глянул на него Чу Му, — что ты, вероятно, очень на него похож. Лун Фан часто указывал на портрет и ругался, вот Лун Цин Фу и перепутал.

К сожалению, сведений о Тао Му Шу было очень мало. Даже если и сохранились его изображения, вряд ли кто-то станет о них рассказывать. Найти хоть что-то в ближайшее время практически невозможно. Хотя Чу Му и сам бы с интересом взглянул, насколько сильно он похож на Се Тин Юэ.

Се Тин Юэ удивился:

— Даже если люди могут быть похожи, вряд ли сходство будет столь сильным? Моя мать была наложницей, вошедшая в дом Се как служанка в приданом законной жены. Она носила фамилию Лю, а не Тао — какая может быть связь с этим родом? С чего бы мне походить на кого-то из рода Тао? Разве что Лун Цин Фу настолько болен, что всех подряд за врагов принимает.

Чу Му задумчиво произнёс:

— Ты и твой брат... только когда улыбаетесь, немного похожи.

— Ну, я больше на мать похож, — кивнул Се Тин Юэ.

— Твоя мать носила фамилию Лю? Она родилась в доме семьи Гань?

— Нет, — покачал головой Се Тин Юэ. — Её подобрали на улице, и в знак благодарности она осталась служить при молодой госпоже Гань. Они сошлись характерами, и между ними возникла глубокая привязанность. Мать не захотела расставаться с госпожой, и потому стала наложницей, чтобы войти вместе с ней в дом Се.

История брака между семьями Гань и Се была, прямо скажем, драматичная.

Гань — это древний и знатный род из столицы, а Се Лян Бэй — хоть и порядочный человек, но происхождением не отличался. При обычных обстоятельствах такой брак был бы немислим. Но в те времена Гань навлекли на себя немилость: чиновников сняли с должностей, имущество конфисковали, а юную наследницу из главной ветви семьи выдали замуж за Се Лян Бэй.

Даже сейчас семья Гань не оправилась от удара. Чтобы не втягивать замужнюю дочь в новые неприятности, они жили тихо, никого к себе не пускали, связей с дочерью не поддерживали, даже ни разу не пришли её навестить. Потому Се Тин Юэ знал о семье Гань и своей матери совсем немного — только то, что рассказывали ему по случаю обе его матери.

Чу Му задумчиво произнёс:

— Если всё-таки у твоей матери есть какая-то связь с родом Тао, то в будущем у тебя могут возникнуть очень неприятные и неожиданные проблемы.

Это была всего лишь догадка, не факт, что верная. Но осторожность не помешала бы.

Се Тин Юэ всерьёз никогда не задумывался об этом:

— Я прожил столько лет, и никаких особых проблем не возникало...

Внезапно он осёкся.

Разве госпожа Линь не стала для него той самой большой проблемой?

Раньше он не видел в этом ничего необычного. Мачеха и дети от первой жены — извечные противники. Её ненависть к нему и Се Тин Сину казалась естественной. Бороться так бороться, он никогда не боялся.

Но теперь, оглядываясь назад, он понимал: её враждебность выходила за все разумные пределы.

По логике, будучи незаконнорождённым, он не представлял серьёзной угрозы для интересов госпожи Линь и её детей. Да, он защищал Се Тин Сина, и она могла злиться на него за это, но пытаться замучить до смерти... Более того, её попытки убить Се Тин Сина были стремительны и решительны. Тогда как к нему она проявляла особую жестокость. Она не просто убить хотела, а унижить, истерзать, заставить медленно умирать. Будто специально оставляла его в живых, чтобы он был свидетелем её триумфа и собственной жалкой участи. Только тогда ей становилось легче.

А все те несчастья, что посыпались на него в прошлой жизни, действительно ли они были делом рук госпожи Линь?

Се Тин Юэ тщательно восстановил в памяти их последние встречи.

Госпожа Линь, безусловно, была умна, хитра и мастерски умела манипулировать мужчинами. Но могла ли она одна стоять за всеми этими кознями?

Не переоценил ли он её? Или... он по ошибке приписывал ей чужие злодеяния?

Если это действительно так...

У него внезапно пересохло в горле, и он произнёс едва слышно, с неуверенностью в голосе:

— Возможно... есть кто-то ещё, кто хочет моей смерти.

Тёплые ладони обхватили его руки.

— М-м? — наклонил голову Чу Му, вопросительно глядя на него.

Сердце Се Тин Юэ ёкнуло.

Опять задумался.

То, что было в прошлой жизни... нельзя рассказывать.

— Нет, ничего.

Чу Му, всё ещё держа его руку, чуть потупил взгляд. В его глазах мелькнула лёгкая грусть.

Он потянулся и забрал чашку с водой у Се Тин Юэ.

А у того как раз пересохло во рту, он протянул руку:

— Не подливай, этого достаточно.

Чу Му отодвинул чашку дальше:

— Не дам.

— Не дурачься, верни, — нахмурился Се Тин Юэ.

Чу Му отодвинул ещё дальше:

— Не отдам.

Се Тин Юэ: «...»

Ну и ребячество.

— Попроси меня. Если попросишь — дам.

Вся та информация в бумагах и последовавшие размышления и без того выбили его из колеи. Се Тин Юэ был не в настроении играть в игры. Но Чу Му, похоже, относился к игре крайне серьёзно: в его взгляде блестела решимость, и даже улыбка исчезла с его лица.

— Ты...

— Из-за моего состояния здоровья я обычно не произношу слово «прошу» вслух, но каждым действием, каждым шагом фактически постоянно прошу о помощи, — Чу Му опустил глаза, глядя на свои руки, в его облике сквозила печаль. — И... иногда я просто хочу почувствовать, каково это, когда просят меня.

Атмосфера мгновенно стала тоскливой.

Как Се Тин Юэ мог ранить Чу Му в таком состоянии? Он сразу же уступил:

— Прошу тебя.

— Молодец, — мягко сказал Чу Му.

Он поднёс чашку с водой прямо к губам Се Тин Юэ.

Сделав несколько глотков, Се Тин Юэ почувствовал, как сухость в горле отступает, а тело наполняется лёгкостью.

Чу Му смотрел на него с улыбкой:

— Видишь, произнести это вслух не так уж сложно.

Се Тин Юэ застыл.

Значит, это была не просто игра...

Он пытался в игровой форме научить его не замыкаться в себе, просить о помощи. Просить близких — в этом нет ничего постыдного.

«И... иногда я просто хочу почувствовать, каково это, когда просят меня». Разве это просто брошенная фраза?

Се Тин Юэ не верил.

Чтобы так сказать, нужно было так чувствовать.

А чтобы избавить его от чувства неловкости, Чу Му выбрал форму игры.

— ...Зачем? — тихо спросил Се Тин Юэ.

Зачем относиться к нему с такой добротой?

Чу Му улыбнулся. Его глаза заискрились мягким светом:

— Потому что ты — моя жена. Я бы хотел отдать тебе всё самое лучшее, что есть в этом мире. Только, увы, я слишком долго болел и у меня ничего нет. Я не могу даже как следует обнять тебя.

Он поднёс ладонь Се Тин Юэ к губам и коснулся её лёгким поцелуем:

— Госпожа может просить у меня что угодно. Всё, что пожелает. Всё, что у меня есть.

Се Тин Юэ чувствовал, как ладонь, которую держал Чу Му, вспыхнула жаром, как и место, куда тот прикоснулся губами. Его взгляд тоже обжигал, от него хотелось спрятаться, но прятаться было некуда.

Чу Му очень нравилось видеть, как жена краснеет, но он знал меру. Поцеловав ладонь, он лишь на мгновение задержал взгляд на его губах, после чего отвел глаза:

— А чего у меня нет... Я пройду сквозь огонь и воду, но добуду для госпожи.

Он лукаво приподнял уголки губ и подмигнул — только правым глазом, левый остался неподвижным. В сочетании с яркой улыбкой он выглядел словно молодой повеса из знатного дома.

Яркий, живой, чарующий.

Се Тин Юэ почувствовал, что так дальше продолжаться не может, иначе его сердце не выдержит.

Он выдернул руку и посмотрел на Чу Му:

— Говори, если есть что сказать, хватит дурачиться!

Чу Му с удовольствием наблюдал, как тот машинально потирает руку, которую он поцеловал, и многозначительно улыбался.

Се Тин Юэ с трудом подавил желание, чтобы не спрятать руку за спину. Он собрался с мыслями и вернул разговор в нужное русло:

— Я подозреваю, что моя мачеха, возможно, вступила в сговор с кем-то ещё, чтобы вредить мне. Но я не знаю, кто этот человек и существует ли он вообще.

— Хорошо, — коротко ответил Чу Му. — Я помогу госпоже разобраться.

Се Тин Юэ кивнул, немного угрюмо:

— Спасибо.

Осознавая, что столь ошеломляющая информация могла вызвать смятение, Чу Му попытался поддержать его по-своему:

— Я отношусь к тебе с такой нежностью, а тебе нравятся большие, чистые, выразительные глаза. У младшей сестры Ци такие глаза есть, а у меня — нет.

Се Тин Юэ: «...»

Что это вообще за поворот? Ты в кого сейчас играешь? В капризную молодую жену?

— Хм! — Чу Му даже надулся. — Выпей со мной. Или пей, а я буду смотреть. Тогда прошу.

Се Тин Юэ: «...»

Ну хорошо.

Делать всё равно было нечего, мысли путались, и никак не удавалось их распутать. Может, стоит расслабиться, выспаться, тогда и голова прояснится, и станет ясно, как действовать дальше.

В результате Се Тин Юэ напился.

Даже в подпитии он умудрился прикрыть своей рукой чашу Чу Му:

— Тебе... пить запрещено!

Чу Му раньше, пока не встретил Се Тин Юэ, жил без всякой надежды и позволял себе пить. Но теперь, когда у него появился тот, кого он любит, и цели в жизни, он научился сдерживаться. Его «разгульное» поведение было лишь игрой. Ему нравилось, когда Се Тин Юэ его опекал. Когда того не было дома, он никогда не прикасался к вину.

— Хорошо, хорошо, не буду. Буду просто смотреть, как ты пьёшь.

Се Тин Юэ с громким стуком поставил чашу на стол:

— Ну же! Налей своей жене ещё!

— Слушаюсь, госпожа.

Он подпер щёку рукой и с довольной улыбкой наблюдал, как Се Тин Юэ напивается.

Тот был весьма слаб к вину: после пяти чаш его щёки уже пылали, а после седьмой язык развязывался. Но как бы сильно он ни напился, глаза его всегда оставались ясными, чистыми и светлыми, словно застывший лунный свет, на который невозможно насмотреться.

Даже с заплетающимся языком он выглядел очаровательно.

— Я тебе говорю, нельзя вот так... капризничать, понимаешь? Такой взрослый уже, а споришь с маленькой девчонкой...

— Ци Ин, Ин... Как там её? Неважно! Эта девчушка ещё совсем ребёнок. Я ж не зверь, чтобы питать к ней грязные помыслы...

— Ну большие глаза... кто их не любит? Ты не любишь?

— Ладно, ладно! Не люблю, всё, устроит? Мне больше по душе мужественные глаза: узкие, миндалевидные, с тяжёлыми веками и густыми ресницами, как тушью нарисованные... ик... Вот такие глаза самые красивые!

— Кстати, старший господин Чу, это просто неприлично быть таким красивым. Почему у тебя пальцы такие изящные, а кадык такой... притягательный?

Не ограничиваясь словами, Се Тин Юэ потянулся, пытаясь дотронуться до пальцев и кадыка Чу

Му.

Через стол дотянуться не получалось, поэтому он встал и, пошатываясь направился к Чу Му.

— Осторожно! — Чу Му поспешно протянул руки, боясь, что тот упадёт.

Но Се Тин Юэ с недовольством отмахнулся и, выбрав удобное место, уселся прямо на колени к Чу Му, получив идеальный доступ к вожделенному кадыку.

— Почему у меня не такой красивый?..

Он сравнивал, перебирая пальцами то кадык Чу Му, то свой собственный, испытывая явное разочарование.

Чу Му поймал его руку:

— Хватит уже трогать.

Се Тин Юэ нахмурился и недовольно пожаловался:

— Почему нельзя? Ты же сам сказал: «Всё, что пожелаешь, всё, что у меня есть». А теперь передумал?!

Чу Му ничего не ответил, лишь пристально смотрел на него, и в глубине его глаз заструились тёмные воды, нарушив спокойную гладь.

— Хочешь, я тебе своё дам потрогать? — вдруг предложил Се Тин Юэ, решив, что нашёл отличное решение. — Так будет честно. И больше не капризничай!

Он потянул руку Чу Му к своей шее, где под тонкой кожей вырисовывались изящные ключицы. Голос Чу Му стал хриплым:

— Ты уверен?

— Ну конечно! Мы оба мужики, чего тут стесняться! — с явным презрением бросил Се Тин Юэ.

Воспоминания об этой ночи были смутными. Очнувшись, Се Тин Юэ многое забыл, помня лишь, что снова видел во сне Чу Му.

Но не улыбчивого и галантного, каким знал его днём, а холодного, властного, даже пугающего.

Тот не позволял ему отказываться, сопротивляться или убегать. Он прижимал его к стене, к постели, целовал как хотел.

А его изящные, длинные пальцы словно разжигали огонь, где бы они ни касались, кожа тут же воспламенялась, пока всё тело не охватило пламя...

Се Тин Юэ слышал его хриплый голос:

— Мне нужен не просто ты. Мне нужно, чтобы я был нужен тебе.

— Не скрывай от меня ничего.

То, что было сокрыто в глубине глаз, погребено в сердце и оставалось неразличимым за тысячами преград — теперь, наконец, ясно проступило сквозь пелену.

Это было сердце Чу Му.

Женившись на нём, Чу Му желал лишь одного — его самого.

— Я не боюсь иметь уязвимое место, ибо оно даёт мне силы. Се Эр, ты должен поверить: ты и те, кто тебе дороги, сильнее, чем ты думаешь.

— Никогда не бойся. Я с тобой.

И напоследок мягкий, влажный, бесконечно долгий поцелуй:

— Будь умницей, ладно?

Се Тин Юэ открыл глаза и машинально коснулся губ. Ощущения и запахи сновидения давно рассеялись.

Неужели Чу Му и вправду его поцеловал?

Почему этот сон казался таким реальным?

<http://bllate.org/book/13821/1219775>